

Кильмаматов Руслан Рамилевич

аспирант кафедры истории Башкортостана,
археологии и этнологии Института истории
и государственного управления
Башкирского государственного университета

**ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА
МИШАРСКОЙ СЛУЖИЛОЙ ЭЛИТЫ
И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ
ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ИНТЕГРАЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА
В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
В КОНЦЕ XVI – 60-Х ГГ. XIX В.**

Аннотация:

Цель данного историко-этнологического исследования – рассмотреть правовой статус, привилегии и полномочия, которыми наделялась мишарская служилая элита в процессе ее участия в российской колонизации Южного Урала. В управлении мишарями правительство полагалось на старшин, набранных из рядов мишарской элиты. В статье акцентируется внимание на клановости института старшин и сменивших их кантонных чиновников, хронологически прослеживается круг их обязанностей. Научная новизна работы заключается в том, что в современной историографии эволюция становления служилей элиты южноуральских мишарей в аспекте интеграционной деятельности Российской империи в регионе не была объектом специального исследования. Автор на основе комплексного анализа опубликованных и неопубликованных архивных материалов, законодательных актов Российской империи и совокупности работ исследователей XX–XXI вв., в которых рассматриваются отдельные аспекты службы мишарской старшинской верхушки, приходит к выводу о значимости старшин и кантонного чиновничества в жизни служилых мишарей Южного Урала, а также их важной роли в укреплении позиций российской власти в крае. Являясь связующим звеном между мишарями и российской администрацией, служилая элита постепенно превращалась в важную составную часть государственного аппарата на местах. Впоследствии она сохранила значительное влияние до упразднения кантонной системы. В исследовании автором, помимо общенаучных методов, были использованы специальные методы исторической науки, такие как историко-генетический, хронологический, ретроспективный, а в качестве основного – метод социально-исторического анализа процессов, которые происходили в военно-служилой элите мишарей. Актуальность исследования обусловлена задачами возрождающегося интереса у народов региона, в частности у мишарей, к истории военно-служилых элит и их роли в интеграции Южного Урала в российскую государственность. Практическая значимость данной работы обусловлена возможностью использовать материал в процессе преподавания учебных дисциплин по истории Южного Урала, истории народов Южного Урала, военной истории региона и Отечества, а также в патристическом воспитании молодежи.

Kilmamatov Ruslan Ramilevich

PhD student, Department of Bashkortostan History,
Archaeology and Ethnology,
Institute of History and Public Administration,
Bashkir State University

**EVOLUTION OF THE STATUS
OF THE MILITARY ELITE
OF THE SERVING MISHARS
AND ITS ROLE IN THE SYSTEM
OF ADMINISTRATION AND MILITARY
CONTROL IN THE PROCESS
OF INTEGRATION OF SOUTH URAL
INTO THE RUSSIAN STATE
IN THE SECOND HALF OF THE 16TH –
60TH OF THE 19TH CENTURY**

Summary:

The purpose of this historical and ethnological study is to consider the legal status, privileges and powers that were granted to the military elite of the serving Mishars in the process of their participation in the Russian colonization of the South Ural. In the management of the Mishars, the government relied on foremen recruited from the ranks of the Mishar elite. The paper focuses on the clannishness of the institution of elders and the cantonal officials who replaced them, and chronologically traces the range of their duties. The scientific novelty of the work lies in the fact that in modern historiography, the evolution of the formation of the service elite of the South Ural Mishars in the integration activities of the Russian state in the region was not the object of special research. The author, based on a comprehensive study of published and unpublished archival materials, legislative acts of the Russian Empire and a set of works by researchers of the XX – XXI centuries, which consider certain aspects of the service of the Mishar senior leadership, comes to the conclusion not only about the importance of senior officers and cantonal officialdom in the life of the serving mishars of the South Ural, but also about their role in strengthening the position of the Russian government in the region. As a link between the Mishars and the Russian administration, the service elite gradually turned into an important part of the state apparatus on the ground. Later, it retained considerable influence until the abolition of the cantonal system. The study in addition to scientific methods was used methods of historical science, such as historical-genetic, chronological, retrospective, and as the primary method of socio-historical analysis of the processes that occurred in the military-serving elite Mishars. The study in addition to scientific methods was used methods of historical science, such as historical-genetic, chronological, retrospective, and as the primary method of socio-historical analysis of the processes that occurred in the military-serving elite Mishars. The relevance of the study is determined by the tasks of the reviving interest among the peoples of the region, in particular among the Mishars, in the history of military service elites and their role in the integration of the South Ural into the Russian statehood. Therefore, the practical significance of this work is that the presented material can be used in teaching academic disciplines on the history of the South Ural, the history of the peoples of the South Ural, the military history of the region and the Fatherland, in the patriotic education of young people.

Ключевые слова:

мишари, служилые мещеряки, южноуральские мишари, Южный Урал, кантоны, кантонное управление, Башкиро-мещерякское войско, иррегулярные войска, привилегии, старшины, военно-служилая элита

Keywords:

Mishars, serving Meshcheryaks, South-Ural Mishars, South Ural, cantons, cantonal management, Bashkir-Meshcheryak army, irregular troops, privileges, elders, military service elite

После взятия Казани и вхождения в состав Российского государства Южного Урала правительство начало переселять на новые рубежи военно-служилое население с утративших пограничный статус территорий. Служилые мишари (мещеряки) Окско-Сурского междуречья представляли собой особую этносословную группу, имеющую опыт охраны границ и участия в походах Московского государства. Традиционно отряды мишарской конницы, хорошо приспособленные к степным военным действиям, возглавляли представители мишарской знати – князья и мурзы. С конца XVI в. на Южном Урале российское правительство приступило к возведению городов-крепостей, первым из которых стала Уфа. Как и в Закамье, мишари жаловались в крае землями за военную службу по охране русских крепостей. Более поздние переселенцы размещались преимущественно на арендованных у башкир-вотчинников землях. Здесь, на Южном Урале, «мещерякский народ» дольше всего сохранял значение военно-служилой корпорации, трансформировавшейся в соответствии с российскими стандартами и требованиями времени вплоть до середины XIX в. Соответственно изменялась и военно-служилая элита мишарей. Первоначально по статусу мишарские мурзы были близки к русским служилым людям по отчеству, но к началу XVIII в. они сближаются по положению с массой служилых мишарей. Непосредственным управлением мишарями на Южном Урале занимались старшины, которых назначал уфимский воевода. Хотя должности часто замещались представителями определенных влиятельных семей, некомпетентный старшина мог быть смещен и заменен другим. Помощниками старшин выступали сотники и десятники. Официально «служебные обязанности мещеряков были подтверждены правительством в 1732 г., когда Сенат распорядился представить Уфимскому воеводе краткую ведомость о службе мещеряков» [1, с. 120]. В 1734 г. Уфимской провинциальной канцелярии было велено вести запись о службе мишарей Уфимского уезда и башкирских тарханов в особой книге, чтобы сообщать эти сведения в Сенат. Как и башкирские тарханы, служилые мишари не платили ясака и несли лишь военную службу, однако к середине XVIII в. привилегии урезаются в связи с изменением отношения правительства к кругу задач мишарей в целом.

В 1734 г. по решению начальника Оренбургской экспедиции статского советника И.К. Кириллова пятисотенная мишарская команда Муслюма Кудайбердина приняла участие в основании Оренбурга, однако с началом башкирского восстания 1735–1740 гг. она была задействована против повстанцев. Именно в это время у служилых мишарей появляется институт главных старшин дорог, которые осуществляли контроль над старшинами команд. Помимо выполнения административно-полицейских и судебных функций ими уделялось внимание и хозяйственным вопросам. По просьбе И.К. Кириллова были награждены «верные» мещеряки, а М. Кудайбердина назначили главным старшиной над всем мещерякским населением уезда, при этом он имел чин «мещерякского полковника» [2, с. 10]. Позже, в 1760 г., главным старшиной Казанской дороги стал его сын Аликей Муслюмов. С 1739 г. появляются главные старшины Сибирской, Ногайской, Осинской и Казанской дорог (округов), контролировавшие деятельность старшин команд. Главные старшины назначались и контролировались начальником Оренбургской комиссии, а с 1744 г. – оренбургским губернатором. Наиболее известными главными мишарскими старшинами до ликвидации дорог были Аликей Муслюмов и Девай Деваев [3, с. 329]. В 1743 г. произошло переподчинение старшин команд в ведение провинциальных канцелярий. Тем не менее институт главных старшин сохраняется и признается властями края как своеобразный почетный статус за особые служебные заслуги.

Именным указом императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. мишарям разрешалось покупать земли у башкир. Служилых мишарей обещают наделить «бунтовщичьими» землями, за которые они раньше платили оброки башкирам-вотчинникам, при этом количество земли зависело от статуса мишаря: «старшине – 200 четвертей, есаулам, писарю, сотникам – по 100, рядовым – по 50 четвертей» [4, с. 742]. Это было особенно актуально в связи с тем, что лишь небольшая часть мишарей владела жалованными землями, а большая часть была припущенниками (арендаторами) башкир-вотчинников.

Создание линии на Яике вызвало более активное привлечение мишарей к охране границ. В 1744 г., когда И.И. Неплюев возглавил Оренбургскую губернию, пограничная (ординарная) служба стала основной обязанностью мишарей и башкир. Их легкая конница была призвана компенсировать нехватку на Оренбургской линии регулярной кавалерии и малоподвижность пехоты. За отправку всадников на линию отвечали старшины. Кроме того, они контролировали несение

мишарями натуральных и денежных повинностей, а также выполняли ряд судебных и административных функций. С 60-х гг. XVIII в. требования власти к старшинам увеличиваются. Если ранее было желательно, чтобы они умели читать и писать на тюрки, имели представление о российском законодательстве, говорили и читали по-русски, то теперь это стало обязательным. Ввиду большой лояльности мишарей к власти, из их числа набирались писари при башкирских старшинах. В связи с увеличением нарядов на линию появляются временные походные старшины, возглавляющие мишарские отряды на ординарной службе.

Русская администрация поддерживала заслуживших полное доверие мишарских старшин. «В 1769 г. было 12 мишарских старшин, возглавлявших команды, в 1774 г. – 17» [5]. Общая численность мишарской элиты (включая сотников, походных старшин, писарей) не превышала 200 человек, но тем не менее она отличалась своим политическим и экономическим влиянием в крае. В 1730–1770 гг. сформировалось несколько представительных мишарских династий, таких как Деваевы, Янышевы, Муслимовы, Тупеевы и др. Мишарская элита была заинтересована в успешной интеграции в имперские реалии, стремилась открывать учебные заведения для обучения своих детей. Так, Ишмухамет Сулейманов основал медресе в д. Аургаза Ногайской дороги; Салтанмрат Янышев содержал на Сибирской дороге школы, готовившие писарей со знанием старотюркского и русского языков. Мишарская военно-служилая элита стремилась дать своим наследникам качественное образование. «Дети Мендея Тупеева и Салтанмрата Янышева писали на русском языке» [6, с. 8]. За особые заслуги старшины могли получать награды лично от монарха, оренбургская губернская администрация предоставляла старшинам доходные должности. Кроме того, старшины сами определяли состав депутатов, отправляемых за счет казны в Петербург и Москву с жалобами. Только на мишарских старшин распространялась такая привилегия, как содержание откупов, пошлины «с покупных, продажных и меновых лошадей в городах, на ярмарках и по торжкам собирал старшина Сибирской дороги Салтанмрат Янышев, который был одним из богатейших людей края, владел кожевенными предприятиями и мельницами; торговал кожами и продавал высокие сорта кожи за границу; в 1765 г. Уфимской провинциальной канцелярией ему было позволено открыть несколько кузниц в команде [7]. После С. Янышева откуп на сбор «конских» пошлин перешел к другому влиятельному старшине с Ногайской дороги – Мендею Тупееву, который возглавлял одну из самых крупных мишарских команд. Эти же старшины назначались почтовыми комиссарами Уфимской провинции, в задачу которых входил наем ямщиков и сбор средств с общины на оплату их труда. В 1765 г. Салтанмрат Янышев организовал изыскательские работы по прокладке новой дороги от Уфы к Уральским горам. После «освидетельствования» дороги офицером уфимского гарнизона ему было разрешено открыть на ней почтовые станции. Комиссарам позволялось брать почтовые ямы на содержание, а затем сдавать их в откуп [8, с. 81]. Торгово-предпринимательская деятельность приносила хорошие доходы мишарской элите.

Кроме несения ординарной службы мишари также направлялись для участия в военных действиях на западных границах и для охраны Сибирской линии. Мишари Южного Урала (500 чел.) в составе иррегулярной кавалерии продемонстрировали свою эффективность, участвуя в Семилетней войне 1756–1763 гг. С 1760 г. находившимся в дальних походах всем служащим иррегулярных полков стали платить постоянное жалованье, выдавать продовольствие и фураж. Старшины получали по 100 р., сотники, хорунжие и есаулы – по 18 р., рядовые – по 12 р. в год. Начальнику команды выдавался фураж на 12 лошадей, старшинам – на 8, есаулам, сотникам, хорунжим – на 3, рядовым – на 1 лошадь [9, с. 150]. В обязанности старшин входило составление списков, направляемых на военную службу, и контроль за их снаряжением.

Во время событий Крестьянской войны 1773–1775 гг. часть мишарской элиты (например, сотник Канзафар Усаев, старшина Бахтияр Канкаев и депутат Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Абдул-Зелим Максютлов) поддержала повстанцев. Но большинство представителей мишарской элиты осталось верным правительству, а «старшина Мухамметрахим Юсупов был убит за попытку сформировать карательный отряд» [10, с. 27]. Формированием сводных башкиро-мишарских отрядов для пополнения регулярных войск занимался мишарский старшина Аблей Смаилов. Салтанмрат Янышев возглавлял башкиро-мишарскую команду корпуса подполковника И.И. Михельсона. В целом, усердие этих старшин немало способствовало делу борьбы с повстанцами и сохранило доверие правительства к мишарской элите Южного Урала. Вскоре после восстания мишарская верхушка получила новые привилегии. Так, 22 ноября 1776 г. «мещеряцким старшинам Салтанмрату и Бахтияру Янышевым» и другим мещеряцким старшинам разрешалось «производить в России торговые промыслы, иметь заводы и пр.» [11, с. 455].

Правительство успешно использовало мишарскую служилую элиту как для управления их соплеменниками на местах, так и для организации военной службы мишарей. Несмотря на то, что во время войн командирами мишарских полков назначались русские офицеры, их помощники и прочий командный состав были выходцами из мишарей. Исполнение должности старшин и сот-

ников практически не оплачивалось, поэтому у простых военнослужащих фактически отсутствовали возможность и стимул на них претендовать. Кроме того, правительство выбирало старшин из лиц, пользующихся влиянием в среде мишарей, экономически состоятельных, образованных. Всеми этими качествами обладали представители мишарских «старшинских семей». Оставаясь частью «мещеряцкого народа», старшины выступали перед правительством защитниками интересов населения дорог и команд, когда они ущемлялись несправедливо. Например, мишарские старшины разделяли законное убеждение своих общинников в нецелесообразности уплаты оброка вотчинникам-бунтовщикам. Так, старшина Алмекей Алкеев указывает в рапорте: «оброков платить стало нам неподлежательно» [12, с. 27]. В 1773 г. группа мишарских и башкирских старшин обратилась к оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу с жалобой по поводу обвеса подведомственного им населения при покупке казенной соли.

После разгрома пугачевцев в целях милитаризации управления иррегулярными войсками края (башкирами, мишарями, казаками и калмыками) в 1798 г. вводится кантонная система управления. Пять мишарских кантонов (как и башкирские) состояли из юрт (так теперь назывались команды). Каждый из мишарских кантонов возглавлял начальник из мишарей, чья кандидатура была одобрена генерал-губернатором. В свою очередь, начальник кантона назначал помощника и юртовых старшин. Можно сравнить кантонного начальника с прежним главным старшиной дороги, но его полномочия были шире, а подчинялся он напрямую генерал-губернатору. Еще в царствование Екатерины II началось награждение представителей башкирской и мишарской элиты офицерскими чинами. Трое из пяти кантонных начальников имели офицерские чины. Так, поручик Максютлов возглавлял 2-й мишарский кантон, а подпоручик Султанмуратов стал начальником 3-го кантона [13]. Есаул Саитбаттал Юнусов до назначения начальником 5-го мишарского кантона был награжден золотой медалью за службу в Киргиз-Кайсацкой степи [14]. Все они происходили из «старшинских семей». Кроме осуществления административной и судебной (по мелким делам) власти на местах, кантонные чиновники должны были организовывать наряды на службу и несение повинностей. Как правило, они имели казачьи зауряд-чины. Среди обязанностей кантонных начальников следует отметить наблюдение за ведением хозяйства населением и передачу недобросовестных на работу к «справным хозяевам». За военные заслуги или долгую службу кантонных чиновников производили в действительные офицерские или гражданские чины. За особые заслуги им могло быть даровано потомственное дворянство. Еще ранее часть мишарей, воспользовавшись указом 1784 г., влились в российское дворянство как потомки мурз. Вместе с этим мишари-дворяне не были освобождены от несения обязательной военной службы и имели право владеть лишь крепостными мусульманами. Таким образом, старшинско-сотническая элита мишарей трансформировалась в кантонное чиновничество. Эта элита наделялась большими полномочиями и определенными привилегиями. Ее представители были своеобразным ретранслятором намерений правительства в крае, поскольку были интегрированы в российское военно-политическое и социально-экономическое влияние и лично заинтересованы в интеграции в имперские реалии. Основной обязанностью мишарей по-прежнему оставалась служба на дистанциях Оренбургской линии (служба на Сибирской линии была упразднена), но с начала XIX в. объем пограничной службы уменьшается, при этом служивых мишарей, как и башкир, все чаще используют для выполнения различных работ и несения полицейских функций в крае.

Кроме несения внутренней службы в кантонный период два мещеряцких полка участвовали в Наполеоновских войнах. Первому Мещеряцкому полку довелось нести полицейскую службу в Москве. Второй Мещеряцкий полк участвовал в заграничном походе, несколько его военнослужащих были удостоены высоких наград за проявленный героизм при осаде крепости Глогау. Полковой командир Салих Ещераков, уже имевший золотую медаль на шее, также сотник Гирфан Кутлукадиямов были награждены дворянством, став чиновниками 14-го класса. Часть чиновников полка впоследствии были награждены серебряными медалями» [15, с. 176–177]. Саитбаттал Юнусов в 1833 г. за долговременную (46 лет) и усердную службу был награжден Золотой медалью на Аннинской ленте [16].

Одной из важных привилегий для национальных элит башкир и мишарей было обучение их детей в созданном в 1825 г. Неплюевском военном училище – своеобразной кузнице кадров командного состава иррегулярных войск Оренбуржья. Например, в 1844 г. в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе было выделено 30 вакансий для Башкиро-мещеряцкого войска. Дети служилой элиты мишарей могли также обучаться в гимназиях и университетах. И следует отметить, что при назначении на должность в этот период уже учитывается наличие российского военного или светского образования. Представитель одной из ярких служивых мишарских династий Мурзагалий Резяпов (начальник 1-го кантона в 1854–1856 гг.), кроме умения читать и писать на русском языке и тюрки, в совершенстве владел персидским и арабским языками [17]. Появи-

лось новое поколение элиты, профессионально и светски образованное, хорошо знающее внутрirosсийские стандарты жизнеустройства, уверенно занимающее ответственные управленческие и командные должности. По сравнению со старшинско-сотнической верхушкой, кантонное чиновничество было более многочисленно. В 1838 г. в пяти меццарьякских кантонах было «15 обер-офицеров, 983 зауряд-офицера, 248 урядников» [18, с. 37]. Эта обновленная мишарская элита имела более формализованный характер и была глубже интегрирована в российскую администрацию, что подчеркивало введение воинских чинов. Можно с уверенностью констатировать, что российское правительство успешно применило на Южном Урале одну из политических стратегий по привлечению представителей военно-служилой элиты края к сотрудничеству и взаимодействию. Результатом успешно проведенной политики стало существенное изменение социокультурных характеристик элиты служилых мишарей (как и их сослуживцев башкир) в сторону сближения с российскими стандартами жизни. И «...эти стандарты не предусматривали учет специфических национальных традиций управления, строились на унифицированных принципах рационализации и бюрократизации управления...» [19, с. 101].

Весь период существования кантонной системы управления в крае она постоянно реформировалась, все больше приближаясь к казачьим стандартам. В 1834 г. башкиры и мишари были объединены в Башкиро-меццарьякское войско. Появляется должность командующего (атамана), которому переподчинены кантонные начальники. А с 1836 г. кантоны были объединены в округа, управляемые попечителями. Должность занималась штаб-офицерами, известен и попечитель из мишарей – майор князь А. Максютков. «На смену не сумевшим понять и соответствовать требованиям высшей власти... пришли новые династии “кантонных”, которые сумели добиться устойчивого социального (и экономического) статуса» [20, с. 104]. К таким можно отнести Резяповых – «старшинскую семью», представители которой управляли 2-м мишарским кантоном с 1819 по 1855 гг. В отличие от князей Максютковых, они получили потомственное дворянство за службу.

Тем не менее к середине XIX в. Южный Урал перестал быть юго-восточной окраиной Российской империи, степная граница которой дошла до Сырдарьи, гарнизоны на ней держали казаки и регулярные войска. Правительство постепенно снижало военную составляющую войска. Так, часть кантонов, включая мишарские, вместо службы несли денежные повинности, а население служащих кантонов все чаще использовалось для ремонта и строительства укреплений. С 1855 г. к переименованному в Башкирское войску были причислены бобыли и тептяри, а территорию разделили на 28 кантонов смешанного состава. Начальники новых кантонов назначались вне зависимости от этнической принадлежности. Так, 26-й служилый кантон возглавил зауряд-сотник Н.М. Резяпов. Однако после неудач Крымской войны и реформирования армии было принято решение об упразднении войска, как не соответствующего требованиям времени. В связи с этим к 1860 г. линейную службу перестали нести и служащие кантоны.

В 1863 г. этносы, составлявшие Башкирское войско, получают права свободных сельских обывателей после их перевода в податное сословие. Кантонные начальники, в соответствии с «Положением о башкирах», занимаются организацией сельских и волостных обществ из своих бывших подчиненных. Таким образом, созданная правительством военно-служилая элита исчезла вместе с утратой мишарями военно-служилого статуса. Можно сделать вывод, что хотя ни старшина, ни кантонное чиновничество не были наследственной группой, в имперский период де-факто их состав комплектовался из «известных семей». Частично в эту категорию попадали потомки мурз и князей, но главными критериями при подборе командного состава были лояльность и компетентность с точки зрения правительства. Таким образом, несмотря на то, что «старшинские семьи» планомерно и целенаправленно формировались (как затем династии кантонных начальников), успешная служба и заслуженные привилегии их представителей были обусловлены усердием, честностью и доблестью, а не наследственным статусом. На всех этапах своего существования военно-служилая мишарская элита оставалась частью «меццарьякского народа», отстаивала его интересы и была обязана, как и донские дворяне, нести обязательную службу. Причина ликвидации Башкирского войска была вызвана ненужностью в изменившихся геополитических условиях многочисленных иррегулярных контингентов. Вместе с этим стоит отметить, что в отличие от мурз мишарей Поволжья, на Урале элита мишарей успела глубже интегрироваться в имперскую систему и частично влилась в ряды российского дворянства.

Ссылки:

1. Кузнецов В.А. Военная служба башкир и меццарьяков до введения кантонной системы управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24 (125). С. 117–124.
2. Кузнецов В.А. Татары, меццарьяки и другие иноверцы края в военной истории страны // Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 2015. С. 7–31.
3. Военная история башкир : энциклопедия / гл. ред. А.З. Асфандияров. Уфа, 2013. 432 с.

4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е : в 45 т. Т. 9. СПб., 1830. 1016 с.
5. Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 487.
6. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II (1773–1774 гг.) : в 3 т. Т. 1. СПб., 1884. 399 с.
7. ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 32.
8. Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966. 207 с.
9. Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999. 509 с.
10. Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. 280 с.
11. ПСЗРИ. Собрание 1-е : в 45 т. Т. 20. СПб., 1830. 1041 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. IV. Ч. 2. М., 1956. 667 с.
13. ПСЗРИ. Собрание 1-е : в 45 т. Т. 25. Ст. 18477, 24708. СПб., 1830. 932 с.
14. ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4019. Л. 1.
15. Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 г. : сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа, 2012. 487 с.
16. ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4320. Л. 2.
17. ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10871. Л. 2.
18. Каминский Ф.А. Башкиро-мещеряжское войско в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 32–39.
19. Любичанковский С.В. Административно-управленческие системы на территории проживания татар в конце XVIII – начале XX в. // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 97–102.
20. Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX в. : монография. 2-е изд., перераб. и испр. Уфа, 2012. 163 с.

Редактор: Грицай Екатерина Анатольевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович